

УДК 801.558

E. Я. Титаренко

ВИДОВАЯ ПАРНОСТЬ РУССКОГО ГЛАГОЛА
(теоретический и методический аспекты)

Актуальность исследования. Проблема определения видовой парности глаголов — одна из центральных проблем русской аспектологии, включающая целый ряд таких принципиально важных вопросов, как:

- критерии определения и выделения видовых пар;
- семантическое тождество глаголов в видовой паре;
- семантический инвариант видового противопоставления;
- причины отсутствия видовых пар у глаголов разных видов и др.

Целью настоящей статьи является анализ некоторых публикаций, а также изложение взглядов автора на проблему видовой парности в теоретическом и методическом аспектах.

I. Теоретический аспект

Детальное описание данной проблемы предприняли А. Зализняк и А. Шмелев [1]. В своем исследовании они исходят из следующих положений:

- 1) СВ всегда выражает *события*, НСВ — *состояния, процессы или события*;
- 2) видовые пары составляют глаголы СВ с теми глаголами НСВ, которые выражают *события*, те же глаголы НСВ, которые называют *состояния и процессы* видовых пар не имеют;
- 3) определение видовой пары проводится от глагола СВ к глаголу НСВ;
- 4) критерием видовой парности является “критерий Маслова” [1, с. 31-51].

Что же такая видовая пара глаголов? Считается общепризнанным, что видовая пара — это два глагола (либо один и тот же глагол в двух формах) СВ и НСВ, имеющих абсолютно тождественное лексическое значение. Исходя из этого, наличие любого дополнительного значения, например, начинательности, фиктивности, многократности или единичности действия у одного из глаголов пары лишает ее возможности считаться видовой. Так, *прыгать* — *прыгнуть*, *запеть* — *петь*, *играть* — *доиграть* традиционно видовыми парами не признаются.

А. Зализняк и А. Шмелев предлагают сосредоточить внимание не на различиях в значении членов видовой пары, а на тождестве их лексического значения. Они утверждают, что все парные глаголы НСВ имеют “тривиальное” событийное значение, которое совпадает полностью со значением перфективного коррелята. Наряду с этим те же глаголы могут иметь и “нетривиальное” значение процесса или состояния. Именно от этого онтологического потенциала глагола НСВ зависит семантический тип видовой пары, в которую он входит [1, с. 46-47].

Применяя “критерий Маслова”, авторы определяют “подлинные”, т. е. “законные” видовые пары (*съесть* — *съедать*, *сжечь* — *сжигать*), “функциональные”

видовые пары, которые также являются подлинными (*переменить — менять, постелить — стелить, уцепиться — цепляться*) и “незаконные” пары типа *замолчать — замолкнуть* (“законная” видовая пара которого *замолкнуть*) [1, с. 47-52].

Таким образом, к числу тривиальных авторы относят видовые пары типа *найти — находить, прийти — приходить, съесть — съедать, достичь — достигать* и др. Такие глаголы НСВ впервые описал Ю. С. Маслов [3], отметив, что они не обозначают актуально длящегося процесса, не могут употребляться в качестве ответа на вопрос: Что ты сейчас делаешь? (Я *нахожу клад, *достигаю вершины горы и т. п.). В традиционной аспектологии эти видовые пары несколько выпадают из общего ряда, который составляют преимущественно пары типа “делал, делал и наконец сделал”, т. е. предельные глаголы НСВ — СВ (*писать — написать, переводить — перевести* и т. п.). В нашем понимании данные видовые пары отличаются тем, что глагол НСВ включает сему итеративности, которая как раз и “мешает” выражению процессности, способствуя выражению повторяемости в большинстве контекстов [8].

Анализ видовых глагольных пар с позиций теории фазовости, обоснованной О. М. Соколовым [7], показывает, что в данных видовых парах налицо один из типов фазовых отношений, наиболее универсальный, а именно: одно-многократный (отношения единичности — повторяемости). Универсальным он является потому, что в такие отношения при определенных условиях вступают глаголы разных видов во всех видовых парах. Таким условием является временная нелокализованность ситуации.

А. Зализняк и А. Шмелев выделяют следующие основные семантические типы видовых пар:

- тривиальные, в которых НСВ не имеет никакого другого значения, кроме событийного: *прийти — приходить, случиться — случаться* и т. п.;
- предельные, в которых НСВ обозначает предельный процесс, а СВ — событие, подготовленное этим процессом: а) *строить — построить, записывать — записать* и б) *решать — решить, разгадывать — разгадать*;
- перфектные, в которых НСВ обозначает состояние, а СВ — переход в это состояние: *увидеть — видеть, поверить — верить, ощутить — ощущать*;
- пролептические, в которых НСВ обозначает состояние, “чреватое” некоторым событием, обозначенным СВ: *опаздывать — опоздать, выигрывать — выиграть, умирать — умереть* и т. п. [1, с. 56-57].

Традиционно пары глаголов, включающие значение начинательности, не считаются видовыми: *заговорить/говорить, зашуметь/шуметь* и т. п., хотя, как отмечают авторы, они могут иногда выступать как “незаконные” видовые корреляты, отвечая “критерию Маслова” [1, с. 59]. Конечно, начинательность может входить в семантику противопоставления глаголов в видовой паре (см., например, [5]), это начинательно-процессный тип фазовых отношений [7], проявляющийся в таких парах, как *вскипеть — кипеть, понять — понимать* и т. п. Однако выделение таких видовых пар, как *бежать — побежать* [1, с. 59] или *ехать — поехать* [1, с. 80] представляется все-таки слишком смелым и неожиданным.

Раздел 1.

46 Лингвометодические основы описания и изучения РКИ

В итоге авторы приходят к выводу о том, что “почти всякий парный глагол несов. вида как бы совмещает в себе два разных глагола: один — это “полночленный” глагол несов. вида, обозначающий процесс или состояние, а другой — просто заместитель глагола сов. вида: его тень, двойник, воспроизводящий все его свойства. (...) Подобная двойственность отсутствует лишь у глаголов, входящих в тривиальные пары: глаголы *вздрагивать* или *промахиваться* обозначают то же событие, что и *вздрогнуть* или *промахнуться*, и ничего больше” [1, с.62]. Такое утверждение представляется нам слишком категоричным.

В русском глаголе семантика вида и собственно лексическая семантика связаны, лексические и грамматические семы не просто складываются, но взаимодействуют, что делает практически невозможным их разъединение. В связи с этим исследователи иногда преувеличивают роль лексической семантики при определении видовых значений и видовой парности (или непарности) глагола, а в других случаях — приписывают влиянию грамматической семантики виду или иные семантические особенности глаголов.

Так, А. Зализняк и А. Шмелев возражают против утверждения о том, что в предложениях типа *Он выпил воды* возможен только СВ, а НСВ в сочетании с объектом в партитиве невозможен (**пить воды*) на том основании, что *пить* не является видовой парой к *выпить*, поскольку “это непарный глагол, т. е. не имеющий событийного значения” [1, с.62]. Видовым коррелятом к *выпить* является *выпивать*, который допускает сочетание: *Он подходит к столу и выпивает воды* [там же]. Однако сочетание **выпивать воды* по-прежнему невозможно, так же как и применение критерия Маслова к вышеупомянутой фразе (**он выпивает воды*). Если согласиться с тем, что в данных контекстах важна лишь грамматика вида, то фразе: *Он выпил воды* при переводе в настоящее историческое соответсвуют: *Он пьет воду* и *Он выпивает воду*. И вообще различие во фразах *выпить воды* (1) и *выпить воду* (2) заключается в падежной семантике существительного, где (1) воспринимается как “немного, часть”, а (2) — “все”. Таким образом, мы считаем, что причины сочетаемости / несочетаемости того или иного вида с тем или иным падежом существительного, либо с отрицанием, либо с фазовыми глаголами, либо с другими словоформами — чисто грамматические, следовательно, поиск причин этого в семантике или видовой парности / непарности глаголов не целесообразен. Как справедливо отмечает А. А. Караванов, “сочетаемость слова связана с его значением, однако эта связь далеко не всегда бывает явной и очевидной; полагаем, попытки слишком прямолинейного выведения правил сочетаемости видов из их значений только затрудняют преподавание” [2, с.3].

Как же определить видовую пару конкретного глагола? Какие пары можно признать видовыми, а какие — нет? Авторы “Введения в русскую аспектологию” [1] предлагают функциональную (а не формальную) основу для определения видовых пар. Главным критерием при этом является удовлетворение “критерию Маслова”, т. е. возможность замены глагола СВ глаголом НСВ при описании повторяющегося события и/или при повествовании в *praesens historicum*. Таким образом, например, они доказывают, что пара *уговаривать* — *уговорить* явля-

ется видовой, а умолять — умолить — нет, воспитывать — воспитать — видовая, арастить — вырастить (детей) — не видовая [1, с.49].

В русской морфологии глагол, возникший путем имперфективации, почти всегда является видовой парой к исходному глаголу СВ. Сложнее обстоит дело с видовой парностью и перфективацией. В отличие от многих других аспектологов, авторы пособия считают, что “видовая коррелятивность устанавливается в направлении от совершенного вида к несовершенному” [1, с.79], поэтому при перфективации морфологическая деривация не совпадает с аспектологической.

Признавая видовыми пары одноактных глаголов СВ и многоактных глаголов НСВ (*махать — махнуть, прыгать — прыгнуть*) на том основании, что они удовлетворяют критерию Маслова, авторы отмечают, что в этих случаях трудно определить, какой глагол является исходным (мотивирующим): СВ с суф. -ну- или НСВ. Такой вопрос вызывает удивление, поскольку принято считать, что в паре *махнуть — махать* мотивирующей основой является НСВ, а в паре *поскользнуться — поскользываться* — наоборот, НСВ является мотиватором. Исследуя формальные соотношения в видовых парах, авторы пишут, что пары *крикнуть — кричать, нырнуть — нырять, махнуть — махать, улыбнуться — улыбаться, коснуться — касаться* образованы “отсечением суффикса — ну- и одновременным присоединением имперфективирующего суффикса” [1, с.70], а пары типа *прыгать — прыгнуть, хлопать — хлопнуть, трогать — тронуть* — путем замены тематической гласной у глагола НСВ суффиксом — ну-. Однако, по данным А. Н. Тихонова, все перечисленные глаголы СВ образованы от глаголов НСВ [9]. А все глаголы НСВ с суф. — ива/-ыва- мотивированы глаголами СВ (*оглянуться — оглядываться, промахнуться — промахиваться*).

Тем не менее, мы согласны, что пары типа *прыгать — прыгнуть* по сути противопоставления одно-многократности подобны парам типа *подпрыгивать — подпрыгнуть* и их можно признать видовыми. Однако, идя в этих рассуждениях дальше, следовало бы признать видовыми и пары типа *гулять — погулять, читать — почитать*, т. к. они также удовлетворяют критерию Маслова (по данным А. Зализняк и А. Шмелева). То же можно сказать и об индоативных глаголах в парах типа *улыбаться — улыбаться*, в которых, по мнению авторов [1], при переводе в настоящее историческое и при итеративизации бесприставочный глагол НСВ успешно выполняет роль вторичного (несуществующего) имперфектива.

Иными словами, несмотря на очевидную привлекательность такого пути, как применение универсального критерия Маслова для установления видовой парности глаголов, он вызывает у нас некоторые сомнения, в частности, если иметь в виду методический аспект функционального описания языка в целях преподавания его инофонам. Упражнения по “переводу” предложения с глаголом СВ в план настоящего исторического НСВ, так же как и обратный перевод, когда к тому же не каждый глагол НСВ можно и нужно “переводить” в СВ, а только глаголы, имеющие “событийное” значение, вряд ли под силу иностранцам, изучающим русский язык даже не первый год. Проблема “знания” или “нахождения” глагола, составляющего видовую пару к исходному глаголу, остается для обучаемого актуальной.

Отказаться от поиска и определения видовой пары глагола невозможно в силу объективности существования таких пар в русском языке. В истории аспектологии были попытки введения терминов *аспектуальная пара* глаголов, *видовая пара* первой или второй степени семантической близости, широкое и узкое понимание видовых пар и т. п. Очевидно, традиционный термин “видовая пара” более всего удовлетворяет требованиям научной терминологии. Мы считаем, что *видовая пара — это противопоставление двух глаголов разных видов, находящихся в отношениях прямой словообразовательной мотивации*. К числу пар, не подпадающих под это определение, относятся супплетивные пары, которые также являются видовыми. Глаголы в видовых парах — это разные лексемы. Каждый лексико-семантический вариант (ЛСВ) многозначного глагола может иметь свою видовую пару либо оказаться непарным. Один и тот же глагол может входить в несколько видовых пар. Так, глагол СВ *найти* составляет видовую пару с глаголом НСВ *находить* и супплетивную пару с глаголом НСВ *искать*.

Мы различаем видовые пары двух типов:

- 1 степени семантической близости (максимальное совпадение лексической семантики глаголов СВ и НСВ);
- 2 степени семантической близости (семантическая модификация, “наращение” семантики одного из членов пары в результате аффиксации).

К парам первого типа относятся *писать — написать, прыгнуть — прыгать, подписать — подписывать* и т. п.; ко второму типу относятся пары *писать — переписать, прыгать — допрыгать, ругать — ругнуть* и т. п.

В видовых парах можно определить фазовый инвариант. Все пары распределяются по трем группам, в которых выражаются следующие фазовые значения:

- начинательно — процессное: *запеть — петь, вскипеть — кипеть, расположиться (на берегу озера) — располагаться (на берегу озера)* и т. п.;
- процессно — завершительное: *петь — спеть, петь — допеть, вскипать — вскипеть, располагаться — расположиться (на ночлег)* и т. п.;
- многократно — однократное: *прыгать — прыгнуть, повторять — повторить, вспыхивать — вспыхнуть, павещать — навестить* и т. п. [7].

Одним из видов процессно — завершительных отношений является процессно — ограничительный тип противопоставления в парах *говорить — поговорить, гулять — погулять, плавать — проплавать* (какое-то время) и т. п. Как видим, фазовый инвариант можно определить в видовых парах обеих степеней семантической близости. Направление словообразовательной мотивации не всегда совпадает с направлением фазовости. Так, в парах типа *заговорить → говорить* они противоположны, в парах типа *делать → сделать* совпадают, а в парах типа *повторять ⇔ повторить* отношения фазовости равноправны.

Каждый глагол в русском языке охарактеризован по виду, т. е. грамматическое значение вида присуще любому глаголу и влияет на его лексическое значение и на функционирование (в частности, сочетаемость с определенными словами) в речи. У разных видов различны наборы грамматических форм: у СВ отсутствует форма настоящего времени и будущего сложного, у НСВ — фор-

ма будущего простого. В настоящем времени употребляется только НСВ, здесь нет и не может быть *оппозиции видов*, поэтому “все значения, которые могут выражаться глаголами несов. вида только в настоящем времени (...), являются значениями не вида, а видо-временной формы” [1, с.27].

II. Методический аспект

Практическое овладение видами “невозможно в “один прием”; для того, чтобы научиться правильно употреблять глаголы несовершенного и совершенного вида, нужен обширный и разнообразный в лексическом отношении глагольный массив” [11, с.126]. Работа по изучению темы “Глагол” начинается сразу же после вводно-фонетического курса и продолжается в течение всего периода обучения русскому языку на каждом этапе. В настоящей статье не рассматривается специфика работы по обучению употреблению видов на начальном этапе, об этом см. [11]. На подфаке иностранцы получают базовые знания в области видов, которые затем нуждаются в систематизации и отработке на обширном тренировочном материале. Именно этой цели и посвящены многие пособия по употреблению видов русских глаголов.

В “методической аспектологии” очень важно вооружить обучаемых такими знаниями, которые помогут им правильно употреблять глаголы разных видов в разнообразных контекстах. Для этого необходимо выработать правила-инструкции, позволяющие ясно, четко и по возможности кратко объяснить особенности употребления видов в русском языке. Именно такое практическое пособие предложил А. А. Караванов [2]. Автор выделил несколько типов контекстов, в которых употребляются разные виды, а именно:

- Контексты, в которых замена вида абсолютно невозможна. В этих контекстах значение вида оказывается “нулевым”, т. е. виды не выражают **ничего** и объяснить сочетаемость/несочетаемость того или другого вида с определенным контекстом нельзя¹. Сюда относятся такие правила, как сочетаемость с фазовыми глаголами только НСВ, с безличными словами, выражающими отрицательное отношение к чему-либо, со словом *зачем?* также НСВ: *не надо опаздывать!* *Зачем спорить?* и др.

- Контексты, в которых виды выражают **аспектуальные значения**: однократность, повторяемость, последовательность, одновременность и т. п. В этих случаях замена вида изменяет содержание предложения.

- Контексты, в которых виды выражают **модальные значения**: возможность/невозможность, разрешение/запрет и под. Как и в предыдущих контекстах, виды здесь выражают объективные значения, ср.: *в аудиторию нельзя войти* (невозможность) *в аудиторию нельзя входить* (запрет).

- Контексты, в которых виды выражают **модусные значения**, здесь виды выражают субъективные различия, связанные с тема-рематическим делением высказывания.

¹ Как пишет автор, “можно, конечно, придумать какое-то субъективное объяснение, но оно не будет очевидным и поэтому на него нельзя будет опереться в преподавании” [2, с. 31].

Раздел 1.

50 Лингвометодические основы описания и изучения РКИ

Таким образом, структура категории вида, по мнению автора, такова: “центр” — **рациональные значения вида**, собственно аспектуальные значения, которые лучше всего поддаются теоретическому описанию и легче всего объяснимы иностранцам. “Левое крыло” — область **языковых запретов** (ограничения в сочетаемости), часть из которых можно объяснить, исходя из аспектуальных значений, например, несочетаемость СВ с показателями неограниченной кратности, но многие запреты не поддаются объяснению. И “правое крыло” — модальные и модусные значения, причем если модальные значения имеют рациональную основу и поддаются однозначной интерпретации, то модусные значения являются иррациональными и часто допускают конкуренцию видов, в связи с чем автор считает, что “модус — это область **языковой свободы**” [2, с.10].

Итак, “из всех значений вида только аспектуальные значения являются **рациональными** (то есть поддающимися простому, четкому и логичному объяснению), тогда как все остальные значения являются в той или иной степени **иррациональными**, причем степень иррациональности по мере удаления от “центра” возрастает” [там же]. С этим утверждением трудно не согласиться. К тому же, на наш взгляд, при таком подходе усиливается аналогия с ГК рода существительных, поскольку значения рода являются рациональными только при обозначении лиц мужского или женского пола и частично у названий животных, в названиях неодушевленных предметов родовые значения иррациональны.

Однако знание теории еще не гарантирует успеха в практическом владении категорией вида. Многие иностранцы, зная теорию видов, не могут их употреблять в речи, особенно приставочные глаголы СВ. “Даже хорошо владеющие языком студенты продвинутых этапов избегают оперировать формами простого будущего, вместо *Я приглашу вас на свою защиту* говорят **Я буду пригласить вас на защиту* или **Я буду приглашать вас на защиту*” [11, с.129]. Отсюда понятно стремление методистов перевести теорию на язык простых и понятных правил, составить схемы и таблицы, алгоритмы употребления видов в разных контекстных условиях.

Так, А. А. Караванов предложил 70 правил употребления видов с целью формирования языкового чувства и развития языковой интуиции у иностранных учащихся [2]. В нашем пособии изложена теория фазовости глагольного процесса и представлены таблицы средств выражения определенных смыслов глаголами СВ и НСВ [4]. В этих таблицах отражены способы выражения фазовых значений, таких как начало действия или процесса, его конец (результат), ограничительность (делимитативность) и единичность / повторяемость. Каждое из этих значений может быть выражено в русском языке как аналитически, так и синтетически. Глаголы СВ передают фазовые значения синтетическими средствами — аффиксами, а глаголы НСВ преимущественно аналитическими средствами — сочетанием с фазовыми глаголами и лексическими показателями.

Такой подход дает возможность показать иностранным студентам разные способы выражения нужного значения в речи, синонимию видов и в то же время, если употребление одного из видов предпочтительнее, это наглядно демонстрируется. Так например, глаголы СВ с начинательными приставками обыч-

но легко заменимы аналитическими конструкциями НСВ с фазовыми глаголами (*Музыкант заиграл // начал/стал играть вальс*). Однако для обозначения начала повторяющихся, узуальных действий можно использовать только конструкцию с НСВ (*С 12 лет он начал/стал играть серебряную музыку*).

В пособии наглядно представлена полисемия глагольных префиксов, многие из которых используются для выражения различных фазовых отношений. Наиболее распространена приставка ПО-, которая участвует в оформлении всех типов фазовости, в зависимости от того, с какими глагольными основами она соединяется. В сочетании с глаголами одностороннего движения и перемещения (*пойти, полететь, понестись*) и глаголами чувственного восприятия (*полюбить, почувствовать*) этот префикс выражает значение начинательности; в сочетании с глаголами разностороннего движения и перемещения (*побегать, полететь, побродить*) и с непредельными глаголами (*посидеть, поиграть, спать*) — значение ограничительности; в сочетании с предельными глаголами (*побледнеть, построить*) — финитивность, связанную с результативностью. Кроме того, префикс ПО- может выражать однократность (*попросить, пожалеть*) и дистрибутивную многократность (*повытапливать, поубивать*).

Таким образом, четкое разграничение фазовости, на наш взгляд, способствует осознанию иностранными учащимися огненков семантики префиксов и глаголов СВ в целом. Объяснения же типа “глагол *понравиться* является одновременно видовым коррелятом к *нравиться* и его начинательным способом действия — в отличие от глагола *полюбить*, который является способом действия, но не видовым коррелятом к *любить*” [1, с.13], представляются не совсем удачными и излишними.

Упражнения для отработки правил употребления видов глаголов могут и должны быть разнообразными. В пособии А. А. Караванова [2] представлены преимущественно упражнения с многочисленными примерами употребления видов и с заданиями типа: “Прочтите предложения, выбирая нужный глагол”, при этом глаголы СВ/НСВ стоят в скобках в нужной форме, таким образом, учащемуся необходимо только выбрать правильно вид глагола. Такие однотипные упражнения некоммуникативного характера чередуются с заданиями типа: “Составьте предложение по модели” или “Составьте предложение с одним из следующих слов и выражений”. Таким образом, предложенное А. А. Каравановым пособие, отличающееся новаторским подходом к изложению теоретического материала и формулировкой правил употребления видов русского глагола, несколько отстает, как нам кажется, в практическом плане: упражнения слишком однообразны и не коммуникативны.

В известном пособии Л. Н. Шведовой и Т. Г. Трофимовой [10] большинство упражнений также не носят творческого характера, обычно это упражнения на наблюдение и анализ уже готовых языковых фактов, отдельные предложения или тексты не требуют трансформации, выбора нужного глагола и т. п., основная формулировка заданий: “Проанализируйте глаголы (предложения, текст)”.

Большим разнообразием заданий и упражнений отличается учебное пособие Г. Л. Скворцовой [6], однако содержание этих упражнений иногда вызывает

Раздел 1.

52 Лингвометодические основы описания и изучения РКИ

неудовлетворение. Так, в примерах: *В аудитории чисто: уборщица* (убирать — убрать) *ее утром до занятий; Ты знаешь урок? — Да, я (учить — выучить) его* [6, с.6, упр.2] можно с одинаковым успехом употребить как СВ, так и НСВ, хотя по заданию необходимо выбрать только один “нужный” вид. В следующем упражнении дается образец: “- Студенческий вечёр был интересный? (готовиться — подготовиться). — Да. Студенты **подготовили** интересный вечер” [6, с.7], из чего следует, что глагол *подготовили* является словоформой глагола *подготовиться*.

Очевидно, к числу опечаток следует отнести и следующее высказывание: “*Анна уехала на занятия в университет и повторяла урок*” [6, с.11, упр.8], в котором учащимся предлагается определить вид выделенных глаголов и объяснить их употребление. Для иллюстрации того, что глагол НСВ может “раскрывать факт происходящего” (сама формулировка такого значения НСВ вызывает у нас недоумение) приводится юмористическое высказывание: “*В зале было тихо: это читали стихи русских поэтов*” [6, с.16]. Отдельные задания вызывают мрачные ассоциации, например, довольно трудно закончить корректно предложение “*После гибели своих близких...*”, используя глаголы **начать, стать** в сочетании с инфинитивом НСВ или глаголы СВ, список которых приводится (типа *болеть — заболеть*) [6, с.41].

Есть в данном пособии и более серьезные, на наш взгляд, недостатки в области изложения теоретических сведений. Приведем только один пример: в главе 4, посвященной употреблению видов в инфинитиве [6, с.85], сказано: “глаголы НСВ в форме инфинитива могут употребляться для передачи 1) действия в его развитии (пример 1), 2) повторяющегося действия (пример 2), 3) побуждения к началу действия (пример 3)”. Однако в примерах 1: *Можете отдохнуть 15 минут;* и 3: *Урок окончен. Можете отдохнуть;* вместо НСВ можно без изменения смысла высказывания употребить СВ (*Можете отдохнуть*). Следовательно, в этих контекстах нет противопоставления видов, нет выражения “действия в его развитии” и “побуждения к началу действия”, а есть контекст, допускающий конкуренцию видов.

Таким образом, пособие Г. Л. Скворцовой не лишено, на наш взгляд, серьезных недостатков. Это свидетельствует о том, как тщательно следует отбирать материал для упражнений, как сложно найти однозначный контекст, не допускающий и не провоцирующий ошибки учащегося, и как важно иметь прочную и ясную теоретическую базу для разработки методических рекомендаций по обучению видам русского глагола.

Выводы

Проблема определения видовой пары глаголов остается актуальной до настоящего времени как в плане аспектуальной теории, так и в методическом аспекте. В связи с этим расширенное понимание видовых пар представляется наиболее оправданным. Видовым следует признать противопоставление двух глаголов СВ-НСВ, находящихся в отношениях прямой словообразовательной мотивации (включая супплетивные пары типа *класть — положить*). Во всех

видовых парах возможно определение одного из трех типов фазовости, таким образом, фазовый инвариант является существенным для видового противопоставления.

Следует различать две степени семантической близости глаголов в видовых парах: 1 степень семантической близости заключается в максимальном совпадении лексической семантики глаголов СВ-НСВ (*петь* — *спеть*, *выкинуть* — *выкидывать*). 2 степень семантической близости допускает наличие дополнительных значений у мотивированных глаголов, таких как значения способов действия, одно-многократности, специально-результативных значений и т. п. (*говорить* — *отговорить*, *рубить* — *рубнуть*, *гулять* — *погулять*). Таким образом, глаголы в видовых парах во всех случаях являются разными словами, а категория вида — грамматической категорией классифицирующего типа.

Литература

1. Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 226 с.
2. Караванов А. А. Виды русского глагола: значение и употребление. Практическое пособие для иностранцев, изучающих русский язык. — М.: Русский язык. Курсы, 2003. — 176 с.
3. Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1948. — т. VII. — С. 303-316.
4. Методические рекомендации к изучению фазово-видовых значений русского глагола / Авт. кол.: Т. В. Ларина, Э. М. Попова, О. М. Соколов, Е. Я. Титаренко. — М.: Изд-во РУДН, 1992. — 52 с.
5. Семиколенова Е. И. Является ли значение начинательности грамматическим признаком видовой пары? // Уч. записки Таврического нац. ун-та. — 2002 г. — Т.15 (54). — №2: Филол. науки. — С.110-117.
6. Скворцова Г. Л. Употребление видов глагола в русском языке: Учебное пособие для иностранцев, изучающих русский язык — 2-е изд. — М.: Рус. яз. Курсы, 2001. — 136 с.
7. Соколов О. М. Основы имплицитной морфологии русского языка. — М.: Изд-во РУДН, 1997. — 202 с.
8. Титаренко Е. Я. Взаимодействие лексической и грамматической аспектуальности в русском глаголе // Уч. зап. Таврического нац. ун-та. — 2002 г. — Т.15 (54). — №4: Филол. науки. — С. 99 –113.
9. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. — М.: Русский язык, 1985.
10. Шведова Л. Н., Трофимова Т. Г. Пособие по употреблению видов глагола для работы с филологами-русистами. - М.: Рус. яз, 1987. — 128 с.
11. Широченская А. И., Хавронина С. А. Работа над глаголами на начальном этапе // Традиции и новации в профессиональной деятельности преподавателя русского языка как иностранного. — М.: РУДН, 2002. — С. 125-143.

Статья поступила в редакцию 16 февраля 2004 г.